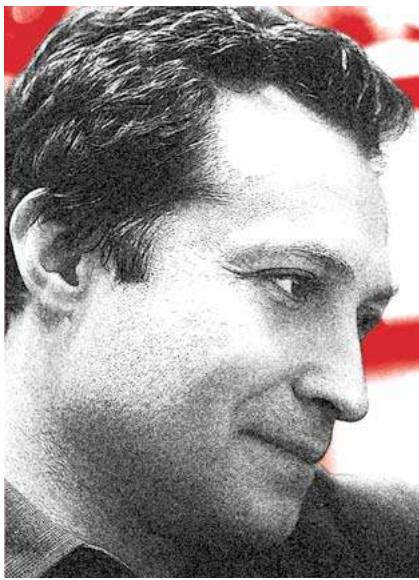

ДОМОЛЧАТЬСЯ ДО СЛОВА

В поэтический сборник Зинаиды Миркиной «По Божьему следу» вошли стихи 2011-2013 годов. Книга состоит из шести разделов: «Над спором наших слов», «Припомнить тайную целостость», «Я знаю, вы перемолчите все крики наши», «Простор души неизмерим», «Только тот, кто сможет не отвлечься», «Ликованье – это знание о Тебе». Названия разделов говорят сами за себя. Они же являются своеобразными эпиграфами частей книги.

Источник, из которого черпает Зинаида Миркина внутреннюю тишину и силу для своих стихов, бездонен. Но чтобы стоять рядом с ним, нужно умереть для самого себя, для всего неподлинного в самом себе. Если ты хоть что-то наносное, поверхностное в себе не изжил, то обязательно отбросишь тень на источник и замутнишь его. До конца не преображенная душа должна вдохновляться чем-то внешним, чтобы сложить стихотворение, а преображенная стремится как можно полнее замолчать. Через молчание и приходят стихи из последней глубины, как перевод с Божественного языка на человеческий. Любимый Миркиной Рабиндранат Тагор написал: «Я погрузил сосуд моего сердца в молчание этого часа, и он наполнился песнями». Домолчатся до Слова – такова задача поэзии. Религиозный опыт и подлинная поэзия неразлучны. Часто поэт начинает говорить прежде, чем ему есть что сказать, в надежде, что кривая вывезет, и, действительно, порою вывозит. Но тогда творчество становится не глубоким внутренним изменением всего состава твоей личности, а ловлей броского образа, поиск которого порою заменяет собой духовный труд.

*

***Полоска облака седая
И блеск рассветного огня...
Я красотой не наслаждаюсь –
Она вторгается в меня.
Какое счастье! Боль какая!***

Роман

ПЕРЕЛЬШТЕЙН

**Внутри открывающийся вход.
Она меня пересекает
И душу пересоздает.**

Блеск рассветного огня не нужно улавливать и присваивать для того, чтобы написать стихотворение, всё, что нужно, это слиться с ним или бескорыстно пропустить его через своё сердце. Бог присутствует в каждом стихе Миркиной как глубокое и ровное горение души.

*

**Сегодня бродила я в Царствии Божьем –
Там всё как у нас, только проще и строже.
Там всё как у нас, только чище и выше,
Прозрачней и глубже, светлее и тише.
Да, всё это здесь, среди нас, в нашем мире,
Вот там, где раскрылись бескрайние шири,
Вот там, где душа, точно небо, большая.
Вот там, где я Богу уже не мешаю.**

Мне не раз доводилось сталкиваться с распространенным мнением – «либо Бог, либо стихи». Если стихотворение превратится в молитву и будет стремиться только к этому, то искусство закончится. Исполнитель Бог в поэзии присутствует, но Он не называется. Подобный взгляд доминирует в интеллектуальной среде, и многие творческие люди хотели бы видеть литературный горизонт именно таким – очищенным от претенциозных, тяжеловесных символов. Да, такие символы и вправду не нужны. Имя Бога нельзя произносить всуе. А если не всуе? А если мы входим в мир, в котором суеверия вообще нет? Или такого не бывает?

Читателем приветствуются неуловимые состояния души, смена настроений, остроумие и озорство, страстные излияния, то окрашенные в inferнальные тона, то одобренные скепсисом и иронией. Собственно, подобная поэзия и является зеркалом души современного человека. И так, я думаю, было всегда. И всегда была поэзия совершенно иная, требующая преобразования. Она как бы отбрасывала всё лишнее и сосредотачивалась на сердцевине человека, на его бессмертной сути. Но разве для бессмертной сути не отведено места? Разве не религия ею занимается? Вот так исполнители и произошло разделение между так называемой светской поэзией и так называемой духовной, а значит – между душой и духом. Трудно было бы придумать большее кошунство и в отношении Бога, и в отношении поэтического слова. Всем своим творчеством Миркина восстает против подобного разделения. Она часто повторяет изречение, услышанное от покойного художника Владимира Казьмина: «Каждое здание стремится стать храмом, каждая картина – иконой, каждое стихотворение – молитвой». Человеческий рассудок всегда режет по живому, а дух всегда соединяет и дарует новую жизнь неделимому целому. Религия так же опирается на глубокий поэтический слой сознания, как искусство на океан духовности, который невозможно раз и навсегда заключить в какую-либо форму. Форма, пусть даже самая прекрасная, чревата кумиротворчеством и обрядоверием. И именно поэзия, подлинная поэзия, препятствует торжеству обрядоверия.

*

Христос воскрес!

– Не верите? – Не надо.

Неверью вашему наперерез

Он пересёк густую тяжесть ада, –

Как свет взошёл, вот как Христос воскрес.

Неочевиден. Доказательств нету.

Всем доказательствам не верю я.

Я верю в сердце вторгшемуся свету

Сквозь всю тоску, сквозь мрак небытия.

Мрак был тогда, он длится и поныне.

Свидетелей победы не зови.

Я верю только по одной причине:

По жгучей беспричинности любви.

Я верую в таинственное пламя –

В ничем не угасимые сердца.

В не то, что Он воскрес перед глазами,

А в то, что в мире нет Ему конца.

Не в точно установленные даты,

Явления, дела былых времен;

Не в то, что Он из гроба встал когда-то,

А в то, что Воскресенье –

это Он.

Истины глубочайшие, светоносные каждый раз открываются заново, как каждое утро заново встает солнце. То, что всегда есть, нельзя заучить и повторять. Его нужно каждый раз заново родить, участвовать в вечном рождении. И это может сделать только поэзия, окунаящаяся в беспредельность незримого духа и вылавливающая оттуда зримые образы.

Рассудок боится беспредельности духа и пытается защитить себя непроверяемыми доказательствами существования материального мира, признав его единственно возможным, как это сделал марксизм, а вслед за ним и фрейдизм. И ровно с тем же азартом рассудок пытается защитить себя непроверяемыми доказательствами существования Божественной реальности, которая должна почему-то нарушать законы материального мира, почти автоматически отменять их. Рассудку надо бы замолчать перед великой тайной, умалиться в ее присутствии, а он все говорит и говорит, приводит резоны, доказательства, неоспоримые преимущества, бесконечно ссылаясь на чужой духовный опыт.

*

Не надо никаких известий.

Смысл одинокого пути –

**Под деревом жизни, с деревом вместе
В молчанье медленно расти
Куда-то в небосвод просторный,
В разлив немой голубизны
И знать лишь то, что знают корни,
И ничего со стороны.**

Миркина черпает свой духовный опыт от корней. Ее поэзия это разговор с Богом напрямую со всей честностью и со всем трепетом – одно без другого невозможно.

*

**Благодарю Тебя, мой Боже,
За этот светоносный взгляд.
Не Ты все наши муки множишь.
Не Ты в страданиях виноват.
Я от Тебя чудес не чаю –
Сама перед тобой в долгу,
Сама, так значит – отвечаю,
Сама, так значит – я могу.
Недолгий срок нам всем отпущен.
Нас сдует ветер, как листья.
Но это сердце всемогуще
Затем, что в нем сокрылся Ты.**

Я знаю множество воцерковленных людей, которые тянутся к стихам Миркиной и всею душой принимают их. Среди них есть монахи и монахини. То, что пишет и говорит автор книги «По Божьему следу» не идет в разрез с Христовым духом, напротив, оно помогает полнее пережить Встречу с Ним. Пережить на такой глубине, которая страшит человека, подсознательно ищущего интеллектуального комфорта и стремящегося к духовному довольству.

**Да, есть земля и россыпь звёзд.
Есть я и Ты – моя вершина.
Когда ж войду в свой полный рост,
Двоих не станет – мы едины.**

Тот, кто обрел подобное единство, ставит под сомнение все остановившиеся в своем внутреннем развитии духовные авторитеты, и позволяет нам сделать глоток такого чистого воздуха, без которого, кажется, невозможна и сама жизнь, не то что поиски её смысла.